

**ОТ КЛАССИФИКАЦИИ К ПОЭТИКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ
СИСТЕМАТИЗАЦИИ СКАЗОЧНОГО ЭПОСА В РУССКОЙ И
ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИЯХ (XIX–XX ВВ.)
FROM CLASSIFICATION TO POETICS: THE EVOLUTION OF
FAIRY-TALE SYSTEMATIZATION IN RUSSIAN AND EUROPEAN
TRADITIONS (19TH–20TH CENTURIES)**

Мусурманова Азиза Камиловна

*магистрантка “кафедры русского языка и литературы” Термезского
государственного педагогического института*

E-mail: azizakamilovna.0001@gmail.com

Тел.: +998 93 709 42 12

Имамкулова М. Н.

Научный руководитель

*Д.ф.п.н.(PhD), доцент кафедры Русского языка и литературы Термезского
государственного педагогического института.*

Тел: +998 90 746 11 90

muslimaterdu@gmail.com

Аннотация. *Статья прослеживает, как в XIX–XX вв. менялось понимание «состава» сказочного эпоса: от эмпирических перечней сюжетов и героев к попыткам строить типологию изнутри поэтики и функций. Показано, что ранние схемы (от романтических и «официально-народнических» до историко-сюжетных) смешивали разнородные критерии и потому давали удобную, но внешнюю стратификацию материала. Переход к поэтико-функциональной перспективе наметил разворот от статических рубрик к анализу композиции, мотива и формы исполнения. В заключение предлагается рабочая рамка для описания корпуса: многоосевая модель (поэтика - функция - бытование - историчность), пригодная для каталогизации и исследования.*

Ключевые слова: *сказочный эпос, классификация, типология, поэтика, мотив, форма исполнения, историография.*

Annotation. *The article traces how the understanding of the "composition" of the fairy-tale epic evolved in the 19th–20th centuries: from empirical lists of plots and characters to attempts at constructing a typology based on the internal poetics and functions of the genre. It is shown that early classification schemes - from Romantic and "officially folkloric" to historical and plot-based - combined heterogeneous criteria and therefore produced convenient but external stratifications of the material. The transition to a poetic-functional perspective marked a shift from static rubrics to the analysis of*

composition, motif, and performance form. The article concludes by proposing a practical framework for corpus description - a multi-axial model (poetics – function – performance – historicity) suitable for cataloguing and research.

Keywords: *fairy-tale epic, classification, typology, poetics, motif, performance form, historiography.*

История изучения сказки тесно связана с вопросом классификации, ведь любое деление не просто располагает тексты по категориям, но и задаёт саму оптику восприятия жанра. От того, по какому принципу исследователь классифицирует сказочный материал, зависит то, что он замечает в тексте - сюжетную динамику, тип героя, структуру композиции или социально-историческую функцию. В XIX веке исследование сказки формировалось в русле романтической науки, где главным критерием служила внешняя характеристика: состав действующих лиц, «сословность» рассказчиков, «мифичность» содержания, география и частота бытования сюжетов. В центре внимания находилась народность - идея «общего духа» народа, выраженного в песнях и преданиях. Классификации этого времени строились на противопоставлении широко распространённых сюжетов и местных исторических преданий. Например, И. И. Срезневский, один из первых систематизаторов, делил сказки на мифические, исторические и фантастико-юмористические, сочетая в одном перечне сюжеты о нечистой силе, анекдоты о глупцах и басни о животных. Подобные рубрикации были шагом вперёд по сравнению с ещё более размытыми представлениями, но они опирались на наблюдение за тематикой и не затрагивали внутреннюю структуру произведения.

Во второй половине XIX века, когда усилилось влияние исторической школы и появилось издание «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева, внимание сместилось к поиску системы в накопившемся материале. Однако большинство исследователей продолжали мыслить сказку через внешние признаки. В их классификациях соседствовали мифические рассказы, былинные и бытовые сюжеты, а животный эпос то включался в «юмористические» сказки, то вовсе игнорировался. Принципы систематизации менялись от раздела к разделу: где-то в основу ставились действующие лица, где-то стиль изложения или предполагаемая древность. Получались удобные справочные перечни, пригодные для составления сборников, но не для объяснения внутренней логики жанра. Эти схемы выполняли вспомогательную функцию, помогая упорядочить материал, однако оставались вне анализа поэтики.

С усилением историзма во второй половине XIX - начале XX века исследователи попытались придать классификациям эволюционную логику. Появились концепции, рассматривавшие сказку как продукт исторического развития народной

словесности: от мифологического мышления к реалистическим и сатирическим формам. Такие «лестницы развития» выглядели стройно, но плохо подтверждались конкретными текстами. Одни и те же сюжеты могли встречаться в традициях, находящихся на разных культурных уровнях, а единая шкала «древности» быстро превращалась в догматическую. Вместе с тем в это время складывается практика систематизации мотивов. Рост числа собранных и опубликованных текстов потребовал рабочих инструментов навигации - указателей и индексов сюжетов. Они выполняли важную прикладную функцию: позволяли быстро находить параллели, отмечать разновидности, сопоставлять национальные версии. Однако логика их построения оставалась эклектичной. Внутри одного каталога соседствовали деления по действующим лицам, по результату действия («награда и наказание», «правда выходит наружу»), по нравственной теме. Индексы работали как справочники, но не объясняли поэтическое устройство сказки. Они были картой, а не анатомией: показывали расположение материала, но не его внутренний механизм.

Тем не менее именно мотивные указатели подготовили почву для перехода к новому этапу - к поиску классификационного признака внутри самой сказочной формы. Постепенно стало ясно, что устойчивость жанра определяется не тем, кто в нём действует, а тем, как строится действие. Исследователи обратились к композиции, структуре повествования, типам завязки и развязки, характеру чудесного элемента. Появилось понимание, что подлинно научная классификация должна опираться на поэтику и функции произведения, а не на внешний сюжетный инвентарь. Одновременно возник интерес к формам бытования сказки: кто её рассказывает, кому, где и в какой ситуации. Оказалось, что один и тот же сюжет, пересказанный крестьянином, солдатом или писателем-собирателем, выполняет разные задачи и приобретает различную жанровую окраску. Появился термин «исполнительская форма», отражающий зависимость жанра от живого рассказа. Этот поворот к поэтике и коммуникации стал принципиальным: сказка впервые рассматривалась не как музейный экспонат, а как динамическая форма речи, где структура и функция важнее внешних признаков.

Современный этап изучения жанра исходит из необходимости сочетать оба подхода - справочный и поэтико-функциональный. Индексы и каталоги остаются необходимым инструментом для навигации по огромным корпусам текстов, но объяснительную силу имеет только внутренняя структура. На основе накопленных данных можно выделить несколько достоверных уровней классификации. Первый - поэтический, включающий композицию, последовательность испытаний, роль чудесного и тип финала. Второй - функциональный: развлекательная, нравоучительная, ритуально-памятная и смешанные формы. Третий -

коммуникативный, учитывающий способ бытования (устный или письменный), фигуру рассказчика и адресата. Четвёртый - историко-культурный, отражающий степень переработки мифологического материала и взаимодействие различных традиций. Эти признаки верифицируемы: они фиксируются в тексте и могут быть проверены на корпусах, что делает их надёжной основой для научной типологии.

Так, путь от романтических рубрикаций к поэтико-функциональной модели показывает, как менялась сама научная оптика. Ранние классификации отражали стремление упорядочить материал, но оставались внешними по отношению к сказке. Историко-сюжетные и мотивные индексы создали инфраструктуру, но не дали объяснения. Лишь обращение к внутренней форме - композиции, мотивной организации, функции и исполнению - позволило увидеть в сказке не хаотический набор сюжетов, а стройную систему художественных приёмов, устойчивых закономерностей и социальных задач. Классификация, построенная на этих основаниях, перестаёт быть перечнем и становится способом понимания жанра: она показывает, как сказка создаёт свой мир, почему он действует и чем отличается от других форм повествования.

Поворот к поэтике и живому исполнению стал закономерным результатом эволюции представлений о сказке. После того как исследователи исчерпали возможности внешних классификаций и мотивных указателей, внимание постепенно сместилось от персонажей и тем к самому способу построения повествования. В центре анализа оказался композиционно-стилистический признак: сказку предложили классифицировать не по героям, а по внутренней структуре, по тому, как она делает свой сюжет, какие функции выполняют эпизоды, как развивается действие и каким образом в нём работает чудесное. Сказка начала восприниматься как организованная форма, где повторяемость мотивов и устойчивость структур не случайны, а отражают глубинные закономерности народного повествования. Эта идея, позднее развитая В. Я. Проппом, стала одним из важнейших открытий отечественной фольклористики и положила начало аналитическому подходу, способному объяснять сказку изнутри. Одновременно в научный оборот вошло представление о форме бытования как о существенном факторе жанра. Стало очевидно, что сказка не существует вне живого рассказа и что один и тот же сюжет меняет тип в зависимости от коммуникативной ситуации. Репертуар сказителя, условия исполнения, состав слушателей, место и время рассказа влияют на форму повествования не меньше, чем его фабула. Сказка - не только текст, но и событие речи, акт общения, где импровизация и устная традиция сочетаются с устойчивыми схемами. Эта мысль существенно расширила понимание жанра, превратив его из застывшего литературного образца в живой процесс народной словесности. Однако сразу

обозначилось и ограничение: полная исполнительская типология невозможна без сплошной фиксации контекста повествования, без записи конкретных ситуаций и интонаций, а этот массив данных крайне редок. Исследователь чаще имеет дело с текстами, давно отделёнными от их естественной среды, и потому вынужден восстанавливать живую поэтику по косвенным признакам. Несмотря на это, само включение фактора исполнения в систему анализа стало переломным и подготовило почву для создания многоуровневых моделей жанра.

Тем временем европейская наука развивала собственную линию классификации, стремясь к унификации и сопоставимости национальных материалов. Международные указатели сюжетов, прежде всего система Аарне-Томпсона, создали единый язык для описания и сравнения сказок разных культур. Эти индексы сыграли огромную роль в становлении сравнительно-типологического метода, но закрепили преимущественно сюжетно-мотивный уровень анализа, оставив поэтику и функцию текста за пределами внимания. Наряду с ними существовали философские и психологические концепции, например эволюционные схемы В. Вундта или антропологические построения Дж. Фрэзера, где сказка трактовалась как стадия в развитии мифологического мышления. Эти модели позволяли делать широкие обобщения, но редко совпадали с реальными наблюдениями над корпусами текстов и потому имели скорее теоретическое, чем аналитическое значение. Европейский опыт показал, что унификация необходима для обмена данными, однако подмена живого многообразия механической типологией ведёт к искажению материала. Сказка требует системы, способной учитывать не только сюжетные повторения, но и внутреннюю форму, стиль, функцию, социальный контекст.

Из всего накопленного опыта вытекает несколько очевидных методологических выводов. Сказка - явление многослойное, и единый магистральный признак для её классификации недостижим. Она соединяет художественные, функциональные, исторические и коммуникативные аспекты, каждый из которых существенен для понимания жанра. Поэтому необходима многоосевая модель, основанная на сочетании четырёх взаимосвязанных уровней. Первый уровень - поэтика, включающая композицию, функциональные роли персонажей, тип мотивации чудесного и способы развития действия. Второй - функция, отражающая назначение сказки: развлекательное, дидактическое или ритуально-памятное. Третий - форма бытования, которая охватывает устную и письменную фиксацию, фигуру исполнителя, аудиторию и социальную среду. Четвёртый - историчность, показывающая степень переосмысления мифологических элементов, культурные переносы и взаимодействие различных традиций. В рамках такой системы каждая сказка получает собственный аналитический «паспорт» с набором параметров по

всем осям. Это позволяет работать с материалом не по одному признаку, как в старых каталогах, а по комбинациям характеристик, что значительно повышает точность и объяснительную силу исследований.

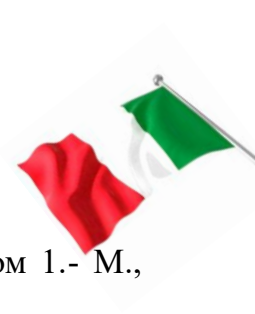
Эволюция классификационных подходов - это не отказ от предыдущего опыта, а его преобразование. Справочники и индексы по-прежнему необходимы как инструмент навигации, но они должны «видеть» не только сюжет, а и внутреннюю логику повествования, его художественные и функциональные особенности. Новая многоосевая рамка соединяет системность с гибкостью, позволяет совмещать удобство каталогизации с научной валидностью и открывает возможность сопоставления национальных традиций без утраты их индивидуальности. В итоге сказка предстает не как совокупность сюжетов, а как сложная форма народной поэтики, отражающая универсальные механизмы человеческого воображения и исторический опыт культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердиева, Ш. Н. (2022). Нон-фикшн как особый тип документальной литературы. Редакционная коллегия, 108.
2. Бозоров, П. (2024). EVOLUTION OF THE BIOGRAPHICAL GENRE IN DOCUMENTARY LITERATURE: ANALYSIS OF THE DIVERSITY OF FORMS AND TRENDS. *Modern Science and Research*, 3(2), 248-253.
3. Бердиева, Ш. (2023). БОШЛАНГИЧ ТАЪЛИМДА КОМПЕТЕНЦИЯВИЙ ЁНДАШУВНИНГ ЗАРУРИЯТИ. *Interpretation and researches*, 2(1).
4. Умаров, А. А., & Абдумуродова, М. Р. (2023). ЯЗЫКОВЫЕ И РЕЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ. *International journal of scientific researchers (IJSR) INDEXING*, 3(2).
5. Курбанова, Г., & Курбанова, Ш. (2023). Интерактивные образовательные технологии в развитии коммуникативной компетентности студентов по русскому языку. *Традиции и инновации в исследовании и преподавании языков*, 1(1), 575-580.
6. Berdiyeva, S. (2023). Zamonaviy adabiyotda non-ficshning o 'ziga hosligi. *Journal of Science-Innovative Research in Uzbekistan*, 1(1), 59-62.
7. Умаров, А. А. (2023). ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ НА УРОКАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ. *Научный Фокус*, 1(7), 185-189.
8. Нурмамамов, Б. Б., & Миротин, О. Д. (2023, June). РОЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ. In *Proceedings of International Conference on Modern Science and Scientific Studies (Vol. 2, No. 6, pp. 167-173)*.

9. Умаров, А. А., & Вохобов, Т. Т. (2023). СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО. Научный Фокус, 1(7), 181-184.
10. Умаров, А. А. (2023, May). ОЦЕНКА УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ В УЗБЕКСКИХ ШКОЛАХ. In INTERNATIONAL SCIENTIFIC RESEARCH CONFERENCE (Vol. 2, No. 14, pp. 130-134).
11. Шавилова, Н. (2024). TECHNOLOGIES IN TEACHING RUSSIAN LANGUAGE IN A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY. Modern Science and Research, 3(2), 230-234.
12. Оромидинова, Д. (2023). ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ МИФОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ МИФА О МИНОТАВРЕ). Экономика и социум, (6-1 (109)), 933-936.
13. Бердиева, Ш. Н. (2021). Нон-фикшн как особый тип документальной литературы: характеристика, признаки, жанры и формирование в белорусской литературе. Интернет-пространство как вызов научному сообществу XXI века, (1), 5-10.
14. Khurshid, Bobonazarov, and Umarov Aziz Avazovich. "THE INFLUENCE AND SPECIFICS OF ANGLICISMS IN RUSSIAN BUSINESS DOCUMENTATION: NUANCES OF TRANSLATION." Russian-Uzbekistan Conference. Vol. 1. No. 1. 2024.
15. Бердиева, Ш. (2022). ОБРАЗ АВТОРА В РОМАНЕ-ГОЛОСОВ С. АЛЕКСЕЕВИЧ «У ВОЙНЫ НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО». Central Asian Research Journal for Interdisciplinary Studies (CARJIS), 2(5), 499-506.
16. Имомкулова М. Н. DEVELOPMENT OF ETHICAL AND CULTURAL RELATIONS IN STUDENTS AS A PEDAGOGICAL PROBLEM: Imomkulova Muslima Norkulovna, Termez State University, senior teacher of the department of Russian language and literature //Образование и инновационные исследования международный научно-методический журнал. – 2022. – №. 5. – С. 257-261.
17. Имамкулова, М. (2023). Самостоятельное чтение-как один из приёмов развития устной речи и воспитания студентов. Традиции и инновации в исследовании и преподавании языков, 1(1), 429–433. извлечено от <https://inlibrary.uz/index.php/traditions-innovations-language/article/view/26673>
18. Norkulovna I. M. The Importance of Developing the Ethical Culture of Higher Education Students //Academicia Globe. – 2021. – Т. 2. – №. 07. – С. 148-150.
19. Имамкулова М. Н. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЕЙС–МЕТОДОВ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА //Бюллетень педагогов нового Узбекистана. – 2023. – Т. 1. – №. 9. – С. 123-126.
20. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. - М.,1994.

-
-
21. Азадовский М.К. История русской фольклористики: в 2 томах. том 1.- М., 1998.
  22. Аникин В.П., Круглов Ю.Г. Русское народное поэтическое творчество. – Л., 1983. – 416 с.
  23. Пропп В.Я. Морфология сказки. - М., 1989.
  24. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. - М., 1986.
  25. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. - М., 2002.
  26. Сравнительный указатель сюжетов. Восточная сказка. - JL, 1979.
  27. Вундт В. Миф и религия. -СПб., 2013.

